Сухмантий Одихмантьевич

Во стольнём было городи во Киеви
Да у ласкова князя да у Владимера
Заводилось жированьицё, почесьён пир.
Ишше были на пиру вси ведь князья-бояра,
Ишше были сильни-могуции богатыри.
Ишше все на пиру да напивалисе,
Ишше все же на цесном да наедалисе,
Ишше все на пиру да приросхвастались:
Ишше сильний-от хвастат да сильней силушкой,
Да боґатой-от хвастат да золотой казной,
Да и глупой-от хвастат да молодой жоной,
Неру[а]зумной-от хвастат да родной сестрицэй,
А и умной-от хвастат да старой матерью.
Ишше князь-от Владимер-от ходит по грынюшки,
Он серебряныма скобками принашшалкиват,
Он злачеными перснями да принабрякиват
Да и русыма кудрями да принатряхиват.
Уж все же на пиру да пьяны-весёлы,
Да и все же на пиру да приросхвастались.
Говорыт-то князь Владимер да стольне-киевской:
«Уж ты што же, Сухмантей да Одихмантьевич,
Ты не пьёшь же, не ешь, сидишь, не кушаешь,
Уж ты белой-то лебёдушки не рушаёшь,
Да нецем ты, Сухмантьюшко, не хвастаёшь?» —
«Да у мня нецим, у молоцца, похвастати:
Да и нету у мня да золотой казны,
Да и нету-й у мня да молодой жоны,
Ишше нету у мня да родной сестрицы —
Только есь у мня да сильня силушка».
Говорыт-то князь Владимер да стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Сухмантей да Одихма[н]тьевич!
Уж ты съезди, Сухмантьюшко, ко Непры-реки,
Привези ты мне, Сухмантьюшко, птицю гарлицю!»
Срежалса Сухмантьюшко в путь-дорожечку,
Он отправилса, Сухмантьюшко, ко Непры-реки.

Приежжал-то Сухмантьюшко ко Непры-реки.
Как Непра-река тецёт да не по-старому,
Не по-старому тецёт да не по-прежному:
Как вода-та с песком да сомутиласе.
За ей стоят-то тотаровья поганыя,
Они днём-то мостят мосты калиновы —
Ишше ноцью Непра-река повыроёт.
Уж тут-то Сухмантей да Одихман[т]ьевиц
Вырывал-то он дубинушку цяжолую —
Он поехал на тотаровей поганых же:
Вперёд-от махнёт — да улицэй валит,
Он назадь-от махнёт — да валит плошшадью.
Он перебил-то он тотаровьей поганых же,
Он не мало, не много — да сорок тысиц же.
Приежжал-то он ко князю да ко Владимеру.
Да стрецят князь Владимер да стольне-киевьской
Да он со сильнима с могучима богатырьми:
«Уж ты ой еси, Сухмантей да Одихмантьевич!
Ты привёз ле то мне-ка да птицю гарлицю?»
Говорит ёму Сухмантей да Одихмантьевич:
«Уж ты ой еси, батюшко Владимер, князь стольне-киевской!
Ишше мне-то же, молоццю, не до того было.
Да Непра-та тецёт не по-старому,
Не по-старому тецёт да не по-прежному:
Да вода-та с песком да сомутиласе.
Там стоели тотаровья поганыя,
Они днём-то мостили мостики калиновы —
А ноцью Непра-река повыроёт.
Уж я вырывал-то дубинушку цяжолую —
Перебил-то я тотаровьей поганых же:
Да их не мало, не много — да сорок тысицэй!..»
Да боґатыри на Сухмантьюшком посмеелисе.
Да говорит-то князь Владимер да стольне-киевьской:
«Да не пустым ле ты, Сухмантьюшко, всё хвастаёшь?
Да не пустым ли, Сухмантьюшко, похвалеиссе?»
Посадил-то Сухмантья да в тёмны подгребы;
Сам посылал-то Добрынюшку Мекитица,
Посылал-то Добрыню да ко Непры-реки,
Да ко Непры-то реки да попроведати.

Поежжал-то тут Добрынюшка Никитич же...
Приежжал-то Добрыня да ко Непры-реки —
Он увидял дубинушку цежолую,
Лёжат-то тотаровья поганыя,
Их не мало, не много да сорок тысицэй.
Он приехал ко князю да ко Владимеру:
«Уж ты батюшко Владимер да стольне-киевской!
Не пустым-то Сухмантьюшко ведь хвастаёт,
Не пустым-то Сухмантей да похвалеицсэ:
Как у матушки да у Непры-реки
Да лёжит-то дубинушка цежолая,
Да лёжат-то тотаровья поганыя,
Да не мало, не много — да сорок тысицэй!..»
Выпускал-то он Сухмантя да Одихмантьевича,
Он дарыл-то ёму много да злата-серебра.
Да говорыл ёму Сухмантей да Одихмантьевич:
«Мне не надобно твоё злато-серебро!
Уж на приезди-то гостя не уцёстовали —
На поезди-то гостя да не уцёстовать!..»
Он втыкнул копьё да в мать сыру землю —
Он порол у сибя да груди белыя,
Ишше сам проговорыл да таковы слова:
«Протеки от моей крови горюцэй да всё Сухмант-река!..»

(Зап. А. Д. Григорьевым 19 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от По́труховой Анны Васильевны, 35 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.